

ЧАСТЬ I

СЦЕНАРИЙ ФИЛЬМА

Окончательный вариант, ноябрь 1998 года, с. 1–4

КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН

Автор сценария и режиссер-постановщик
Урсула Райан © 1998

МУЗЫКА: главная тема в стиле, популярном после Первой мировой войны. В нежную, романтическую мелодию исподволь вплетаются зловещие нотки.

1. НАТУРА. ПРОСЕЛОЧНАЯ ДОРОГА. СГУЩАЮТСЯ СУМЕРКИ

Проселочная дорога среди бескрайних полей. Восемь часов вечера. Летнее солнце повисло на горизонте и скоро соскользнет за край земли. По узкой дороге черным блестящим жучком ползет автомобиль 20-х годов прошлого века. Старые кусты ежевики тянутся к нему свежими побегам.

Машину трясет на ухабистой дороге, мечутся лучи фар. Мы медленно приближаемся и вскоре движемся рядом. Гаснут последние отблески солнца, наступает ночь. Выходит полная луна, ленты бледного света ложатся на блестящий капот автомобиля.

Заглядываем в машину, рассматриваем неясные профили мужчины и женщины в вечерних костюмах. Мужчина сидит за рулем. В лунных лучах вспыхивают блески на платье женщины. Люди курят, огоньки сигарет — словно отражение неровного света фар. Мужчина что-то говорит, женщина

смеется, закидывая голову, боа из перьев сползает, обнажая тонкую белую шею.

Через широкие чугунные ворота автомобиль въезжает в подобие тоннеля, образованного мрачными высокими деревьями. Двигается по глухому зеленому коридору. Мы глядим через лобовое стекло, пока наконец за плотной завесой листьев не замечаем дом.

Величественное английское здание на холме: двенадцать светящихся окон, три маленьких мансардных окошка в крыше, несколько печных труб. Прямо перед нами, на аккуратно подстриженном газоне, возвышается мраморный фонтан, подсвеченный сияющими фонарями; гигантские муравьи, орлы, огромные огнедышащие драконы; струи воды бьют на сотню футов вверх.

Отодвигаемся и наблюдаем, как автомобиль подъезжает к дому, тормозит. Молодой лакей открывает дверцу и предлагает даме руку, помогая выйти.

СУБТИТРЫ: имение Ривертон, Англия. Лето, 1924 год.

2. ИНТЕРЬЕР. КУХНЯ. ВЕЧЕР

Дымная, полутемная кухня в имении Ривертон. Кругом царит возбуждение — полным ходом идет подготовка к приему гостей. Снизу вверх, словно из-под ног, мы наблюдаем, как мечутся туда-сюда запыхавшиеся слуги. Звучат приказы, хлопают, открываясь, бутылки с шампанским, старшие слуги бранят младших. Звенит звонок. Все так же скользя прямо над полом, мы приближаемся к лестнице вслед за юной горничной.

3. ИНТЕРЬЕР. ЛЕСТНИЦА. ВЕЧЕР

Следом за юной горничной поднимаемся вверх по задымленной лестнице, на подносе ритмично позванивают фужеры с шампанским. С каждым шагом наш взгляд скользит все выше и выше, от стройных щиколоток к подолу черной юбки, оттуда — к завязкам фартука и дальше — к светлым кудрям

на затылке, пока мы наконец не начинаем смотреть на окружающее ее глазами.

Звуки, доносящиеся с кухни, стихают, их сменяют музыка и смех гостей. На лестничной площадке перед нами открывается дверь.

4. ИНТЕРЬЕР. ВЕСТИБЮЛЬ. ВЕЧЕР

Мы попадаем в просторный мраморный вестибюль, в глаза ударяет сноп света. С высокого потолка свисает сияющая хрустальная люстра. У парадного входа стоит дворецкий, он приветствует мужчину и женщину, тех, что ехали в машине. Не останавливаемся, идем дальше — через весь вестибюль к широким застекленным дверям, ведущим на заднюю террасу.

5. НАТУРА. ЗАДНЯЯ ТЕРРАСА. ВЕЧЕР

Дверь распаивается. Смех и музыка оглушают: мы оказываемся в самом сердце вечеринки. Ослепительная роскошь: перья, блески, шелк. Легкий летний ветерок качает над лужайкой разноцветные китайские фонарики. Играет джаз-банд, женщины отплясывают чарльстон. Мы пробираемся сквозь толпу, нас окружают смеющиеся лица. Люди поворачиваются к нам, берут с подноса шампанское: девушка с ярко накрашенными губами, тучный мужчина с багровым от алкоголя и веселья лицом, сухопарая пожилая дама, обвешанная драгоценностями, — из длинного мундштука тянется струйка дыма.

Грохот, все поднимают глаза. Ночное небо взрывают яркие вспышки фейерверков. Радостные крики, аплодисменты. Разноцветные блики расцвечивают запрокинутые лица, музыканты играют изо всех сил, женщины танцуют все быстрее и быстрее.

6. НАТУРА. ОЗЕРО. ВЕЧЕР

В четверти мили от дома, на погруженном во тьму берегу озера Ривертон, стоит молодой человек. Смотрит на небо. Вдалеке шумит праздник. Подходим ближе, глядим, как алые

отблески салюта играют на прекрасном лице. Человек одет элегантно, но небрежно. Каштановые волосы растрепаны, челка упала на лоб, вот-вот заслонит темные глаза, которые лихорадочно шарят по ночному небу. Он опускает взгляд и смотрит на кого-то позади нас, полускрытого в тени. В глазах слезы. Приоткрывает рот, словно хочет что-то сказать, однако лишь вздыхает.

ЩЕЛЧОК. Наш взгляд опускается ниже. В трясущейся руке молодого человека — пистолет. Он поднимает его, пистолет исчезает из кадра. Видна только рука, сперва она дрожит, потом твердеет. Выстрел. Пистолет падает в грязь. Женский визг. Музыка.

ВСЕ ПОГРУЖАЕТСЯ В ТЕМНОТУ.
ИЗ ТЕМНОТЫ ВЫПЛЫВАЕТ НАЗВАНИЕ:
«КОГДА РАССЕЕТСЯ ТУМАН»

ПИСЬМО

Урсула Райан
«Фокус фильм продакшнс»
1264 Сьерра-Бонита-авеню, 32
Западный Голливуд, Калифорния
90046 США

Миссис Грейс Брэдли
Дом престарелых «Вереск»
Уиллоу-роуд, 64
Саффрон-Грин, Эссекс
27 января 1999 года

Дорогая миссис Брэдли!

Надеюсь, Вы не рассердитесь, что я вновь пишу Вам по поводу моего фильма под рабочим названием «Когда рассеется туман», хотя до сих пор не получила ответа на свое первое письмо.

В основу фильма легла история любви — история отношений поэта Р. С. Хантера с сестрами Хартфорд и его самоубийства в 1924 году. И хотя наша группа получила разрешение на съемки в имении Ривертон, многие сцены будут сниматься на студии, в павильоне.

Мы воссоздали внутренние интерьеры комнат по фотографиям и описаниям современников, но нам бы хотелось услышать мнение очевидца. Мне очень дорог этот фильм, не хотелось бы испортить его какими-либо неточностями, даже

самыми незначительными. И я была бы сердечно Вам благодарна, если бы Вы согласились взглянуть на декорации.

Я наткнулась на Вашу фамилию (девичью, разумеется), когда просматривала список слуг в одном из блокнотов, хранящихся в Музее Эссекса. Я бы и не сообразила, что Грейс Ривз и Вы — одно и то же лицо, не прочти я интервью с Вашим внуком Марком Маккортом, опубликованное в журнале «Спектейтор», где он бегло коснулся истории своей семьи и упомянул, что Вы родом из деревни Саффрон-Грин.

Прилагаю статьи из «Санди таймс» с рассказом о моих предыдущих фильмах и лос-анджелесской «Филм уикли», где говорится о «Тумане». Вы заметите, что роли Хантера, Эммелин Хартфорд и Ханны Лакстон отданы блестящим актерам, в том числе Гвинет Пэлтроу, прошлогодней обладательнице премии «Золотой глобус» за игру в фильме «Влюбленный Шекспир».

Еще раз простите мне мою настойчивость — дело в том, что съемки начнутся уже в феврале, на студии «Шеппертон», близ Лондона, и мне бы очень хотелось связаться с Вами до начала работы. Надеюсь, Вам захочется поучаствовать в создании нашего фильма. Вы можете ответить мне по адресу: миссис Ян Райан, 5/45 Ланкастер-корт, Фулем, Лондон SW6.

С уважением,

Урсула Райан

ДУХИ ПРОШЛОГО

В ноябре я видела кошмар. Мне приснился Ривертон, двадцать четвертый год. Все двери открыты, ветер играет шелковыми занавесками. На холме под кленами — оркестр, в теплом воздухе разносится ленивое пиликанье скрипок. Звенит хрусталь, смеются гости, а небо голубое, прямо как до войны. Лакей, весь черно-белый, наливает шампанское в стоящие пирамидой фужеры, все восторженно хлопают, дивясь его мастерству.

Как это обычно бывает во сне, я словно вижу себя со стороны, пробирающейся между гостями. Двигаюсь медленно, гораздо медленней, чем в жизни, окружающие — вихрь блестящего шелка.

Ищу кого-то.

Картинка меняется: теперь я около летнего дома, только это не летний домик в Ривертоне. Нет, не он. Того красивого нового здания, что построил Тедди, нет и в помине, вместо него — развалюха, обвитая плющом; плющ вскарабкался по стенам, заполз в окна, заплел балки.

Кто-то зовет меня. Я узнаю голос, он доносится из-за дома, с берега озера. Сползаю с обрыва, цепляясь за корни растений. У воды скорчилась неясная фигура.

Ханна. Бледная, в измазанном свадебном платье — декоративные розочки все в грязи. Выступает из тени на свет, глядит на меня.

Ее голос леденит мне кровь:

— Поздно. — Ханна указывает на мои руки. — Слишком поздно.

Я опускаю глаза. В моих руках — юных руках, перепачканных густым речным илом, — стылое, недвижимое тело убитого оленя.

Конечно, я знаю, откуда у меня такие сны. Это все письмо от девушки-режиссера. В последние годы моя почта не отличается разнообразием: несколько поздравительных открыток — от старых друзей к праздникам, отчет-другой из банка, где хранятся сбережения, да приглашения на крестины от молодых родителей, которые вроде бы сами только что были детьми.

Письмо от Урсулы пришло в ноябре, во вторник утром; его принесла Сильвия, когда явилась убирать постель. Подняв ярко нарисованные брови, она помахала конвертом.

— Почта. Судя по штемпелю — из Штатов. Не иначе как от внука? — Левая бровь выгнулась вопросительным знаком, голос понизился до шепота: — Он ведь все еще там?

Я кивнула.

— Страшное дело, слов других нет! И ведь такой молодой, симпатичный...

Сильвия причитала все время, пока я благодарила ее за письмо. Мне она нравится. Одна из немногих, кто, глядя на мое изрезанное морщинами лицо, видит ту двадцатилетнюю девушку, что живет внутри. И все-таки я не даю втягивать себя в разговоры о Марке.

Вместо этого я попросила Сильвию отдернуть шторы. Она недовольно поджала губы, но только на миг — тут же перешла на другую любимую тему: о погоде. Выпадет ли снег на Рождество, как он подействует на пациентов с артритом. Я отвечала, когда требовалось, но мысли мои были заняты конвертом, что лежал у меня на коленях, — острый почерк,

иностранные марки, потертые края, говорящие о долгом путешествии.

— А давайте я вслух прочитаю, — предложила Сильвия, хорошенько взбив мою подушку. — Побережем ваши глаза.

— Нет, спасибо. Лучше передай-ка мне очки.

Когда Сильвия ушла, пообещав зайти попозже и помочь мне одеться, я дрожащими руками достала из конверта письмо, гадая, не решил ли он вернуться, не одолел ли зверя по имени Отчаяние, загнавшего его за океан.

Но письмо оказалось вовсе не от Марка. От девушки, которая снимает фильм о событиях давнего прошлого. Она хочет, чтобы я оценила декорации, вспомнила мебель и вещи, на которые глядела много лет назад. Будто это не я притворялась всю жизнь, что все забыла.

И об этом письме забуду. Я аккуратно сложила листок и сунула в книгу, которую забросила уже давным-давно. Вздохнула. Не в первый раз мне напоминают о том, что случилось в Ривертоне с Робби и сестрами Хартфорд. Однажды я застала конец телепередачи, которую смотрела Руфь, — что-то о военных корреспондентах. Когда лицо Робби показали во весь экран, а внизу мелкими буквами появилось его имя, у меня мурашки по спине побежали. И ничего. Руфь даже не вздрогнула, диктор все так же читал текст, а я вытирала тарелки.

В другой раз, просматривая программу, я наткнулась на знакомое имя в передаче о семидесятилетии британского кино. Заметила время, гадая, решусь ли включить телевизор. Включила и разочаровалась. Эммелин почти и не показали — так, несколько и без того известных фото, на которых совсем не видно, какая она была красивая, да отрывок из немого кино, где она сама на себя не похожа — ввалившиеся щеки, движения дерганые, как у марионетки. Про другие фильмы — те, которые тогда здорово нашумели, — так ничего и не сказали. Видимо, сейчас, во времена всеобщей раскрепощенности, о них и вспоминать-то неинтересно.

Но, несмотря на приветы из прошлого, письмо Урсулы растревожило меня не на шутку. Первый раз за семьдесят лет кто-то связал мое имя с трагическими событиями, вспомнил, что в Ривертоне тем летом служила девушка по имени Грейс Ривз. Я вдруг почувствовала себя какой-то беззащитной. Уязвимой.

Нет. Ни в коем случае. Я твердо решила не отвечать.

И сдержала слово.

А вот воспоминаний сдержать не сумела. Загнанные когда-то глубоко-глубоко, в черные дыры моего подсознания, они начали вылезать, просачиваться сквозь невидимые щели. Образы старомодные, но живые и яркие, будто между ними и мной не лежит целая жизнь. Капля за каплей, а следом — настоящий потоп. Долгие беседы — слово в слово, целые сцены, будто снятые на пленку.

Я сама себе удивлялась. В последнее время память будто моль изгрызла, а вот прошлое вспоминается четко и ясно. Они приходят все чаще — призраки далеких дней, а я почему-то совсем не против. Никогда бы не подумала. Впрочем, призраки, от которых я бежала всю жизнь, теперь даже развлекают меня, вроде тех сериалов, о которых постоянно говорит Сильвия, — она все старается поскорее закончить обход, чтобы включить телевизор в холле. Я почему-то забыла, что среди мрачных событий непременно найдутся и светлые.

И когда на прошлой неделе пришло второе письмо — все тот же резкий почерк и тонкая бумага, — я уже знала, что скажу: да, посмотрю я на ваши декорации. Я и забыла, что такое любопытство. Когда тебе девяносто девять, любопытничать трудновато, и все-таки мне захотелось поглядеть на эту Урсулу Райан, которая так увлеклась старой историей, что жаждет вернуть к жизни ее героев.

Я написала ответ, Сильвия отнесла его на почту, и мы с Урсулой договорились о встрече.

ГОСТИНАЯ

Нервное возбуждение, переполнявшее меня всю неделю, к утру встречи стало просто невыносимым. Сильвия помогла мне надеть персиковое платье — рождественский подарок Руфи — и сменить шлепанцы на выходные туфли, которые обычно коротали свои дни в шкафу. Кожа туфель ссохлась, и Сильвия с трудом втиснула в них мои ноги, но ничего не поделаешь — правила хорошего тона. Мне уже поздно менять привычки, я не одобряю этой новой моды более молодых обитателей нашего дома — надевать на выход шлепанцы.

Волосы у меня всегда были светлыми, а сейчас выцвели окончательно и с каждым днем становятся все тоньше и тоньше. Однажды утром я проснусь и вовсе без волос, только жалкие остатки на подушке, да и те исчезнут прямо у меня на глазах. Наверное, я никогда не умру. Просто истаю до такой степени, что северный ветер подхватит меня и унесет прямо в небо.

Макияж чуть-чуть оживил лицо, я очень строго следила за тем, чтобы не переусердствовать. Не хотелось быть похожей на манекен. Сильвия всегда предлагает меня «подкрасить», но, зная ее любовь к фиолетовым теням и жирному блеску, я каждый раз протестую. Представляю, что бы она из меня сделала!

Я с трудом застегнула золотой медальон. Элегантная вещица девятнадцатого века странно смотрелась на фоне по-

вседневной одежды. Поправила его, удивляясь собственной смелости и гадая, что скажет Руфь.

Я перевела взгляд на небольшую серебристую рамку, стоящую на туалетном столике у кровати. Свадебное фото. Я бы не держала его здесь — мой брак был таким недолгим, — если бы не дочь. Мне кажется, ей приятно думать, что я грущу по ее отцу.

Сильвия помогла мне добраться до гостиной — мне до сих пор тяжело произносить это слово, «гостиная», — где меня ожидал завтрак. Туда же явится Руфь, которая без всякого удовольствия согласилась отвезти меня на студию «Шеппертон». Сильвия усадила меня за стол в углу и пошла за соком, а я попыталась убить время, перечитывая письмо Урсулы.

Руфь появилась ровно в половине девятого. Она могла сколько угодно ворчать по поводу поездки, но это никак не повлияло на ее всегдашнюю пунктуальность. Я слышала, что дети, рожденные в суровое время, всегда хранят на себе его отпечаток, и Руфь, дитя Второй мировой, не исключение. Сильвия всего пятнадцатью годами моложе, а совсем другая — носит слишком узкие юбки, громко хохочет и с одинаковой частотой меняет цвет волос и бойфрендов, усатые лица которых взирают на меня с многочисленных фотографий.

Руфь появилась в дверях — безупречно одетая, причесанная и прямая, как фонарный столб.

— Доброе утро, мама, — сказала она, коснувшись холодными губами моей щеки. — Уже позавтракала? — Она кинула взгляд на полупустой стакан сока. — Надеюсь, это не все, что ты съела? Мы, скорее всего, попадем в пробку и не сможем нигде остановиться. — Руфь взглянула на часы. — Тебе не нужно в туалет?

Я покачала головой, удивляясь, когда успела превратиться для нее в ребенка.

— Ты надела папин медальон? Я его сто лет не видела. — Дочь наклонилась и, одобрительно кивнув, поправила украшение. — У папы был неплохой вкус, правда?

Я согласилась, тронутая тем, как свято можно верить в невинную ложь, услышанную в детстве, и почувствовала прилив любви к нелюбимой, колючей дочери, заглушивший на время постоянное чувство родительской вины, что охватывает меня при взгляде на ее вечно встревоженное лицо.

Руфь подхватила меня под одну руку и вложила трость в другую. Многие предпочитают коляски, некоторые даже с мотором, но мне пока что хватает моей старой палки, я — человек привычки, не вижу смысла ее менять.

Руфь завела машину, и мы влились в медленно ползущий по дороге поток. Она хорошая девочка, моя Руфь, надежная и серьезная. Одета официально — будто идет к адвокату или доктору. Я так и знала. Ей хочется произвести хорошее впечатление, показать этой режиссерше: каким бы ни было мое прошлое, Руфь Брэдли Маккорт — достойная представительница среднего класса, и уж будьте любезны.

Несколько минут мы ехали в тишине, потом Руфь начала щелкать кнопками радиоприемника. У нее руки пожилой женщины — суставы раздулись, кольца надеваются с трудом. Так странно видеть, как стареет твой ребенок. Я опустила взгляд на свои собственные руки. Такие неутомимые в прошлом, привыкшие к любой работе — грубой ли, тонкой, — сейчас они лежали на коленях высохшие, безвольные, ненужные. Наконец Руфь остановилась на программе классической музыки. Ведущий поведал нам что-то на редкость бестолковое о своих выходных и поставил Шопена. Разумеется, простое совпадение, что именно сегодня я услышала вальс си минор.

Руфь затормозила возле огромных белых зданий, квадратных, как ангары для самолетов. Выключила зажигание и несколько секунд сидела молча, глядя перед собой.

— Не понимаю, зачем ты согласилась, — сухо сказала она наконец. — Ты сама строила свою жизнь. Работала, путешествовала, растила ребенка... К чему вспоминать, что было в юности?

Я не ответила, да Руфь и не ждала ответа. Она коротко вздохнула, вылезла из машины и вытащила из багажника мою трость. Молча помогла мне выбраться.

Урсула уже ждала нас — тоненькая девочка с длинными светлыми волосами и густой челкой. Ее можно было бы назвать некрасивой, если бы не чудесные, будто со старинного портрета, темные глаза — огромные, глубокие, выразительные, словно только что написанные кистью.

Она заулыбалась, замахала, подбежала к нам и с жаром затрясла мою руку, выхватив ее у Руфи.

— Миссис Брэдли, как я рада, что вы смогли приехать!

— Грейс, — сказала я, не дожидаясь, пока Руфь укажет Урсуле, что меня следует называть «доктор». — Меня зовут Грейс.

— Грейс! — сияла Урсула. — Вы не представляете, как я разволновалась, получив ваше письмо.

Странно — она говорила без акцента, хотя адрес на конверте был американский. Повернувшись к Руфи, Урсула добавила:

— Спасибо, что привезли Грейс.

Я почувствовала, как Руфь напряглась.

— Вряд ли я посадила бы маму на автобус, в ее-то годы.

Урсула хохотнула, и я порадовалась тому, что в ее возрасте еще можно принимать сарказм за иронию.

— Ну, пойдете внутрь, а то здесь прохладно. Извините за спешку — мы начинаем снимать на будущей неделе, и тут все вверх ногами. Я думала, вы встретитесь с нашим художником по декорациям, но ей пришлось ехать в Лондон за какими-то тканями, — может быть, она еще успеет вернуться до вашего отъезда... Осторожно, сразу за дверью ступенька.

Урсула и Руфь провели меня в вестибюль, а оттуда — в узкий темный коридор с дверями на обе стороны. За теми, что были открыты, маячили смутные фигуры перед мерцающими экранами компьютеров — ничего похожего на то, что

я видела когда-то на съемках фильма с Эммелин — давным-давно.

— Вот и пришли, — объявила Урсула у самой последней двери. — Входите, а я организую нам чай.

Она толкнула дверь и помогла мне перешагнуть через порог. Прямо в мое прошлое.

Я очутилась в гостиной Ривертон. Даже обои те самые. Бордовые, в пламенеющих тюльпанах, в модном в то время стиле ар-нуво, яркие, как в тот день, когда их привезли из Лондона. Честерфилдовский гарнитур у камина, накидки из индийского шелка на креслах — точь-в-точь те, что привез когда-то из-за моря дед Ханны и Эммелин, лорд Эшбери, тогда еще совсем молодой морской офицер. Все так же стояли на каминной полке уотерфордский канделябр и судовые часы. Кто-то очень постарался, добывая их, и все же они выдавали себя «неправильным» тиканьем. Даже сейчас, через восемьдесят лет, я помню звук тех, настоящих, часов. Они негромко и настойчиво отмеряли каждую секунду — мерно, холодно, беспощадно, — будто уже тогда знали, что Время не пощадит никого из обитателей дома.

Руфь довела меня до честерфилдовских кресел и оставила там посидеть, пока не разыщет туалет: «Так, на всякий случай». За моей спиной люди суетились и бегали, таскали огромные лампы на тонких паучьих ножках, кто-то хохотал, а я почти не обращала внимания. Вспоминала день, когда я в последний раз вошла в эту гостиную — в настоящую, а не в здешние декорации, — день, когда я твердо решила навсегда покинуть Ривертон.

Я тогда говорила с Тедди. Он отнюдь не обрадовался, но к тому времени успел потерять изрядную часть своей самоуверенности — последние события просто выбили его из колеи. Он походил на капитана тонущего корабля, который все понимает, но ничего не может сделать. Просил меня остаться,

если не ради него, так в память о Ханне. И почти уговорил. Почти.

— Мама! — Руфь потрясла меня за плечо. — Mam! С тобой Урсула говорит.

— Простите. Я не слышала.

— Мама немножко глуховата, — объяснила Руфь. — Неудивительно — в ее-то годы. Я пыталась отвести ее на проверку слуха, но она такая упрямая!

Упрямая — согласна. Но не глухая и не люблю, когда об этом говорят; зрение у меня уже не то, я потеряла почти все зубы, быстро устаю, питаюсь почти одними таблетками, а вот слышу не хуже, чем раньше. Просто с возрастом выучилась слышать только то, что сама хочу.

— Я всего лишь сказала миссис Брэдли, то есть Грейс, что странно, наверное, вернуться обратно. Ну или почти обратно. Воспоминания нахлынули?

— Да, — тихо ответила я. — Нахлынули.

— Я только рада, — улыбнулась Урсула. — Значит, мы все сделали правильно.

— Конечно.

— А ничего не бросается в глаза? Может, что-то упущено?

Я снова оглядела декорации. Гостиную воссоздали очень тщательно, вплоть до ряда гербов на стене у двери, центральный из которых — шотландский чертополох — повторялся на моем медальоне.

И все-таки кое-что действительно пропало. При всей своей похожести декорации были мертвы. «Это всего лишь прошлое, — будто говорили они. — Занятное, но давным-давно ушедшее». Как в музее.

И как в музее, все кругом казалось безжизненным.

Понятно, что по-другому и быть не могло. Это для меня начало двадцатого века — время молодости: тревог и приключений, радости и горя. А для здешних художников — древняя история. Эпоха, которая требует тщательного воссозда-

ния и разбора, массы старомодных деталей — как в средневековом замке.

Я чувствовала, что Урсула смотрит на меня, пытаюсь угадать мои мысли.

— Лучше и быть не может, — успокоила я ее. — Все на своих местах.

И тут она сказала такое, от чего я чуть не подскочила.

— Кроме хозяев.

— Да, — согласилась я. — Кроме хозяев.

На мгновение они как будто ожили передо мной: Эммелин раскинулась поперек дивана, вся — сплошные ноги и ресницы, Ханна нахмурилась, читая книгу, Тедди мерит шагами бессарабский ковер...

— Похоже, Эммелин любила поразвлечься, — сказала Урсула.

— О да.

— Про нее разузнать было легче легкого — ее имя красовалось чуть ли не в каждой колонке светских сплетен того времени. Да еще в письмах и дневниках половины тогдашних холостяков!

— От отсутствия популярности не страдала, — кивнула я. Урсула поглядела на меня из-под челки.

— А вот понять, какой была Ханна, оказалось гораздо сложнее.

Я неловко откашлялась.

— Правда?

— Сплошная загадка. Не то чтобы о ней не писали в газетах — писали. И поклонники имелись. Только, похоже, никто из них не знал ее по-настоящему. Да — любили, да — уважали. Но не знали.

Ханна встала передо мной как живая. Умная, несчастная, удивительная. И заботливая, слишком заботливая.

— У нее был непростой характер.

— Да, — кивнула Урсула. — Я так и поняла.